

Павел Засодимский

ИЗ ЖИЗНИ ЛЕСНОЙ СТОРОНЫ

(Фрагменты)

*Посвящается Ивану Пучигову,
крестьянину деревни Кибры Вологодской губернии.*

Сторона наша — глухая. Сосновые и еловые леса всю ее прикрыли своей дремучей тенью и, как живую, зеленую стеной, отделили ее от городов, — не хуже каких-нибудь гор высоких или песков сыпучих.

Поля у нас небольшие: растут на них только рожь и ячмень, да и то плохо. Мы уж давно бы все померли с холоду да с голоду, если бы не лес. Он, кормилец, питает нас, поит, одевает. В его чаще ютятся рябчики, белки, рыскают серые волки и царствует медведь — истинно сказать — царствует. Есть леса до того темные, до того дремучие, что в них, кроме медведя, не может жить никакой другой зверь. И много чудесных сказаний ходит в нашей стороне про этого косматого лесного царя... Дед Ивана Совенка сказывал, что на его памяти произошла такая история: в ту пору, когда на свете еще водились капитан-исправники, как-то раз один из таких капитан-исправников пробирался к нам, в Петряевшину, за сбором недоимок; капитан,

как водится, на тройке с колокольчиком, а вдруг ему навстречу из лесу медведь — шашь! Поднялся на задние лапы, устоялся среди дороги, стоит да ревет, словно оглашенный; лошади, разумеется, — ни взад, ни вперед, храпят, бьются. (В ту пору, так же, как и теперь, дороги в наших лесах были узенькие: на них двум тройкам не разъехаться.) Ну, и кончилось дело тем, что кое-как остороженько поворотили лошадей назад, да давай Бог ноги. Так в то время капитан-исправник, — сказывал дедушка, — и не собрал недоимок...

И неложно зовем мы лес своим кормильцем: мы им живем. Мы находим в нем всякую дичь, пушного зверя, дрова и бревна, грибы и ягоды... Кроме того, почти все наши домашние поделки — из дерева. У нас посуда все больше — глиняная, еще чаще — деревянная, а железная и медная встречается за редкость. Солонки, хлебницы, умывальники мы делаем из бересты. Ложки, чашки, «чуманы», столы, телеги, колеса, приклады ружейные — все сами мастерим из дерева. Вместо железных гвоздей для вешалок с большим удобством идут у нас в дело сучья лиственниц, сосен и берез. Из ивовой и березовой коры вьем крепкие веревки; они у нас везде в ходу — и в упряжи, и на перевозах, и в домашнем обиходе. В ивовой коре красим холст в красную и желтую краску, и крашенина выходит лучше, прочнее линяющих городских ситцев. Из лесу же достаем и всякие лекарственные снадобья: золотуху лечим отваром из ягод калины, а чахотку — травой «мать-и-мачеха», (впрочем, чахотка у нас

болезнь редкая); цвет донника пьем от лихорадки, вместо мяты или липового цвета; багульник, столетник, плоун-трава помогают от боли в животе, хорош также зверобой. Чернобыльник употребляется от женской немочи. Вместо пластыря мы прикладываем к ране лист подорожника; настойкой из золотой лозы сгоняем опухоли... Да всего-то, что дает нам лес, пожалуй, сразу и не пересчитать. Даже ребяташки не знают городских игрушек — ни коней, ни глиняных петушков, а сами делают себе всякие дудочки и свистульки из дерева или из стеблей травы.

Так-то! Значит, не напрасно зовем мы лес своим кормильцем.

Недаром, говорят, в старые годы наши петряевцы почитали за бога одну большую, толстую березу, земно кланялись ей и, в виде даров, вешали на ее сучья всякие разноцветные лоскутья и звериные шкурки. Когда же петряевцы сделались крещеными, тогда вышел откуда-то указ срубить эту березу. Три дня и три ночи рубили ее. И все время, пока ее рубили, береза слезно плакала, повалившись, застонала, сердечная, на весь лес — таково тяжело, жалобно. Так люди сказывают, да так, говорят, и в старых книгах написано. Говорят еще, что с той поры, как петряевцы загубили свою березоньку, они стали жить все хуже и хуже: зверя в лесу стало меньше, приказных в городах — больше, и все пошло как-то неладно...

Синие реки протекают через наши леса, и пароходы своими колесами еще не мутят их прозрач-

ные, чистые воды. Сосны да лохматые ели склоняются над ними... Рыба стаями ходит в реках. Но соль у нас — плохая, поэтому мы не можем запасать рыбу впрок. Промышленники занимаются этим делом. В одной реке, неподалеку от Петряевщины, водится хваленая, прославленная стерлядь. Прежде в наших сторонах ее не ели, считали ее нечистою, думали, что от нее лихорадки бывают. Лет 30 тому назад стерлядь здесь стоила 2 копейки фунт, а теперь, пожалуй, и за 40 копеек не купишь.

По берегам рек там и сям разбросались селенья и деревушки, видны поля, луга — пожни, подсеки. Селенья, правда, нечасты, но зато — велики.

Почтовый тракт, или, как говорится у нас, «большая дорога», проходит стороной, минуя наш лесной уголок. О чугунке, о телеграфах, о фабриках и тому подобных диковинках у нас слухом не слышать, и в этом смысле сторона наша — совсем дикая.

<...> Представления <...> о Питере у петряевцев были до того туманны и сбивчивы, что и сам черт не разобрался бы в них. Что Питер, что Белая Арапия — для них все было едино-единственно. <...> Зато в своем уездном городе почти каждый петряевец, доживший до 50-летнего возраста, успел побывать на своем веку раза два или три, а иной и больше. И, конечно, для петряевцев на всем белом свете не было города великолепнее и краше Устьчегодска. <...> Город для них полон таинственности и вещей необычайных... Слова нет — весело, забавно в городе, приятно потолкаться на рынке, где таково людно, приятно в трактире чайку по-

пить, но все-таки петряевцы долго не выдерживали и начинали скучать по своему медвежьему углу. Они находили, что в городе люди хуже, чем у них в Петряевщине, — люди хитрые, продувные и большие зубоскалы. «У нас народ — проще, душевнее... как можно!» — со вздохом говорили они между собой, поглядывая на нарядных горожан, смотревших на них то высокомерно, то с усмешкой. <...>

Петряево расселось по берегу довольно широкой и глубокой реки Сосвы. Она вытекает где-то далеко из болот, вся протекает в тени густых лесов, за Петряевым соединяется с другой рекой и льется на полночь к холодному морю.

Наше Петряево выстроилось задолго до Усть-чегодска. В ту пору, когда на месте теперешнего города в чаще лесной еще рыскали волки и носились олени, в Петряеве жили уже люди и была выстроена церковь во имя Николы Чудотворца. Поправляемая от поры до времени, эта церковь стоит и поныне. Надпись на церкви гласит, что она построена в 1780 году.

Бревенчатые, почернелые стены, между бревнами ряды моху, крыша тесовая, покрывшаяся зеленью, с самыми простыми, незатейливыми украшениями, какие бывают у изб; крыльцо с навесом; окна небольшие, квадратные, с деревянными решетками; на церкви два купола — тоже деревянные, один — большой над серединой церкви, а другой — поменьше над алтарем. Такова с виду церковь «Николы в Петряевщине». Колокольная — тоже вся деревянная — стоит немного отступя от

церкви; колокола на ней небольшие. Внутри церкви — темно и мрачно. Приделы отделяются от церкви деревянной решеткой; в них вдоль стен — лавки, в углу — большая, истрескавшаяся печь. Иконы все старинные, потемневшие... Особенно почитается одна большая древняя икона. Она представляет собой просто черную доску, покоробленную и всю в щелях. Ничего невозможно разобрать на ней... Но перед этим образом в праздники всего более горит грошовых восковых свечей и на образе всегда висят приношения: платок, полотенце, какой-нибудь поясик или кусок грубого холста. Не блестящи приношения петряевцев! Добрые люди чем богаты, тем и рады... Думают, что на этом образе был написан Николай Чудотворец. А Никола считается у петряевцев каким-то особенным заступником за них, защитником и хранителем их болот и лесов.

Вокруг церкви расходится погост. На могилах вместо крестов лежат сложенные в виде гроба красные кирпичные плиты. Деревянная, гнилая и посеревшая ограда вокруг погоста местами уже совсем развалилась и не подновляется. Убогая церковь и убогий погост... Но стоит наша церковь на очень хорошем месте — на высоком берегу реки, а за рекой бесконечно синеют леса, спускаясь на полдень от Петряева все ниже и ниже. Такой далекий, сказочный вид не всякому приснится и во сне...

Все, что не сделано человеческими руками, по мнению петряевцев, «Божье», а «Божье» на их язы-

ке значит — ничье. Петряевец вырастает и живет с тем непреложным убеждением, что земля, леса и воды — Божьи, и всякий для себя может пользоваться ими, сколько ему надо. По этим диким понятиям выходит, например, так, что земля принадлежит тому, кто сам пашет ее, но никто в мире не может владеть землей как вечною собственностью и торговать ею, как торгуют сапогами, калачами и тому подобными изделиями рук человеческих. Впрочем, таким воззрениям петряевцы откопали поддержку даже и в Священном Писании. Из книг оказывалось, что Бог, сотворив мир, сказал человеку: «Пользуйся всем, что есть в воздухе, в воде, на земле и под землей: все — твое!» Все это совершенно удовлетворительно петряевцы истолковали так: «Стреляй рябчиков и белок, пользуйся из лесу дровами и бревнами, сколько хошь, жги подсеки, лови всякую рыбу в реках, паши землю, сено коси» и т. д. Ясно!.. И если бы кто-нибудь вздумал серьезно разубеждать петряевцев в этих истинах, они рассмеялись бы тому в лицо и ушли бы прочь — «от греха дальше». <...>

Отделенные от остального мира непроходимыми, большими и дремучими лесами, петряевцы чувствовали себя людьми свободными.

Небесные власти являлись им в виде изображений, и в среде этих властей не последнее место занимали Стефан Храп и Николай Чудотворец. Власти же земные олицетворялись для них в исправнике и становом... Эти лица часто менялись, но петряевцам казалось, что они постоянно по-

ходили одно на другое, как две капли воды. Исправник и становой обращались с петряевцами смирненько: петряевцы — народ тихий, задумчивый, и эта тихость и задумчивость многих невольно пугала и заставляла удерживаться в границах умеренности. Становой к нам наведывался обыкновенно раз в год, а исправник — в два-три года раз, а то, бывало, и реже... <...>

Далее исправника и станового — этих двух живых фигур «во плоти» — кругозор петряевцев замыкался, как кольцом, серыми туманами, и посреди этих туманов мелькали какой-то «управляющий», «полковник» и «губернатор». А еще далее, посреди этих серых, непроглядных туманов, неясно и призрачно, как сказочные видения, поднимались образы генералов «в золоте», «министра», «сенатора», — одним словом, уже господствовал полный хаос. Кто такой — министр? Что такое — сенатор? Картины ли это — нечто вроде образов? Или это — живые люди? И один ли сенатор на свете или их много? Кто тут разберет... В Петряевщине никто их не видал, никто обстоятельно не слышал о них. О них только говорят, как о привидениях, которых никто не видит...

Петряевцы умеют отлично ладить и с небесными, и с земными силами. Одним они по воскресеньям ставят свечи и кладут на блюдо грошики, другим — платят «подань». Этими подаяниями, по их мнению, совершенно исчерпываются их обязанности относительно земли и неба, и затем уже они — вольные птицы.

Так же смутны у петряевцев понятия о величине и виде Земли и вообще о строении Вселенной. Впрочем, скажу положа руку на сердце, что пресловутого рассказа о трех китах я никогда от них не слыхал... Здешняя космогония очень незатейлива. Петряевцы, например, думают, что Солнце и Месяц ходят, а Земля, разумеется, стоит неподвижно на одном месте; они, подобно многим древним народам, полагают, что Земля — плоский круг, что если бы не мешали горы да леса, то всю Землю можно было бы увидеть как на ладони; они также думают, что Земля довольно велика, но, тем не менее, Питер, по их понятиям, непременно должен стоять на краю света. А что далее — за этим «краем» — про то ни один петряевец не скажет, потому что сам ничего не знает и представить себе ничего не может, а ежели кто-нибудь и начнет толковать, так это значит — он уже сам выдумывает «из головы»... На природу и на те ее явления, которые поддаются хотя каким-нибудь объяснениям, петряевцы смотрят довольно своеобразно. Если, например, во время грозы молния ударяет в дерево или кажется падающею на землю, то, по понятиям петряевцев, под видом этих молний бесы проваливаются сквозь землю. Об Илье-пророке, с грохотом разъезжающем по облакам в своей огненной колеснице, петряевцы не имеют и понятия.

Зато у петряевцев существуют довольно определенные взгляды на происхождение некоторых домашних и диких животных, а также насчет образа жизни их. Еж, например, в сущности не что иное, как оборотень: это — несчастный младенец, про-

клятый матерью. Всего более поверий в Петряевщине ходит о медведе, как о самом видном представителе звериного царства. Медведь — старший сын, за что-то проклятый своею родительницею. Медведь таскает к себе в берлогу молодых девушек и заставляет их «спать» с собой. Это всякий знает, и все говорят об этом как о подлинных происшествиях, не однажды бывавших в нашей стороне... Вон из одной деревни, недалеко за Пелымдином, медведь уволок девку в лес; то же вот случилось не особенно давно в Троицкой волости, в одной маленькой деревеньке, около Коркеровского погоста. Но — странное дело (на которое, впрочем, у нас не обращается внимания) — при этом никто из рассказчиков никогда не может указать, чтобы медведь хоть раз утащил девку, знакомую кому-нибудь из них, — такую, которую можно было бы назвать по имени — по отчеству... А все действие обыкновенно происходит где-то *там*, за Пелымдином или около Коркеровского погоста, хотя и очень недалеко от Петряевщины.

О корове и лошади у нас сложилась даже целая история. (Некоторые подозревают, что эта история зашла к нам от пермских или вятских раскольников. Может быть, — но, во всяком случае, она уже получила у нас право гражданства.) Когда родился Иисус Христос, то он, как известно, был положен в ясли — «и прикрыт сеном» — добавляет петряевское сказание. В то время, как оказывается, у ясель стояли коровы и лошади. Лошадь не стала есть сена, прикрывшего младенца, а корова по своей жадности напустилась на корм и понемногу мордой

спихала сено с Младенца Иисуса. Вот за это-то Бог и устроил так, что лошадь скоро наедается досыта, а корова жует-жует и день и ночь, а все-таки наесться не может.

Также выросла у нас каким-то образом целая легенда о козле и о происхождении на земле оврагов... Однажды дьявол позавидовал Богу и вздумал также, в свою очередь, сотворить что-нибудь. Думал-думал черт и, наконец, вылепил он кое-как из глины козла, но вдунуть в него жизнь никак не мог. Дул он козлу и в морду, и в глаза, и в рот, и под хвост, — ничего не выходило: глина не оживала. Тогда дьявол смирился и обратился к Богу с просьбой. И Бог, чтобы показать свое всемогущество, мигом оживил козла. Дьявол остался недоволен: все-таки же, значит, не он козла сотворил. С горя нарыл тогда дьявол оврагов по всей земле: пускай, мол, козел ходит по этим оврагам, пускай люди ползают по ним, падают да меня поминают... И действительно, люди, падая в оврагах, всегда и по сие время с досадою приговаривают: «Ах, черт тебя побери!...»

Ребяческая вера еще живет в петряевцах — вера в леших, домовых, банных и гуменных и в других духов. Банный иногда до смерти запаривает в бане старых старух и стариков. Домовой подчас также иногда злые шутки шутит. Раз, например, домовой повадился ходить к одному мужику во двор и путать гриву и хвост его лошади. Шалость, в сущности, весьма обыкновенная, но домовой на этот раз старался так усердно, что грива и хвост лошаденки наконец скатались в войлок и стали ни на что

не похожи. Домовой был так нахален, что даже принес на двор камень и садился на него отдыхать после всех совершенных пакостей. Очевидно, он задумал расположиться тут с полнейшим комфортом. Хозяин догадался об его проделках и однажды вечером раскалил камень. В урочный час явился домовой, напроказил как следует, и затем, по обыкновению, с трубочкой сел было на камень, но вдруг порывисто вскочил с него; он весь зад спалил себе и убег домой... На другой день домовой не пожаловал, и хозяин обрадовался, подумав, что совсем избавился от своего скверного гостя. Не тут-то было: вышло еще хуже... На третий день поутру мужик спускается на двор и видит лошадь мертвою. Так отплатил ему домовой...

Впрочем, по большей части с домовым ладят, живут мирно. Если он начинает возиться — стучит и шумит, то это еще не беда. Тогда его спрашивают: к худу это или к добру? Ежели он скажет: «ху-ху», значит — плохо. А ежели захохочет и засвищет — ничего. Всех поверий и бывальщин петряевских я здесь не привожу: для этого пришлось бы написать целую книгу.

Та же ребяческая вера в злые и добрые чары прямехонько привела петряевца и к вере в колдунов и колдуний. Колдунов у нас много... Если колдуна не почествовать на свадьбе как следует, то он по злобе может сделать молодым большой вред. Колдун может напустить порчу и на человека, и на лошадь, и на корову — на всякую скотину; он может заговаривать семена — так, что ни одно зерно не

взойдет, хотя бы попало оно в самую лучшую землю. Колдун также оказывает большие услуги — может девичье сердце приворожить, указать, где найти потерянное, вылечить от «недоброго глаза» и от всякой немочи.

Один из таких ведуших людей даже и теперь живет у нас на Петряеве. Его так и зовут: Андрей-колдун. Это очень почтенный старик лет под 70, среднего роста, худощавый, с большою сивою бородой и с крепкими жилистыми руками. Он в своей длинной холщовой рубаше с расстегнутым воротом, с бородой чуть не по пояс, с кроткими светло-серыми глазами, невозмутимо-спокойными, с лицом, изрытым глубокими морщинами, вообще всей своей старческой степенной фигурой, всеми своими манерами, исполненными достоинства и в то же время какой-то тихости и детского незлобия, — выглядит истым патриархом.

Андрей всего чаще ворожит на воде, читает молитвы, но, впрочем, шепчет иногда и какие-то непонятные слова. Все это он совершает медленно, с важностью, и смотрит подчас так, как будто находится в глубокой задумчивости. Станный, чудной старичок!.. Андрей-колдун — добрый колдун: никто не видал от него зла, и потому в нашей стороне любят его, не боятся. Он же и лечит у нас разными травами и настоями... В Устьчегодском уезде, разумеется, есть лекарь, но он пребывает в городе, по деревням не ездит, живых не лечит, а только мертвые тела вскрывает. Он, говорят, — Бог с ним! — в карты шибко играет... Ну, вот Андрей-колдун и уп-

равляется, как умеет: иной от его лекарств выздорoveет, иной помрет — ежели жизни его вышел предел, а в таком случае, как уж всем известно, никакой городской лекарь не поможет. «Предел» — и шабаш! В этот предел петряевцы крепко верят. Но еще крепче того заботятся они о том, чтобы умереть «своею смертию», то есть не в больнице. Страх и отвращение внушают им больницы...

Здесь должно заметить, что вера в злые и добрые чары не делает петряевца пугливым и робким. Лешие — сами по себе, петряевец также — сам по себе... С самодельной винтовкой на плече, с топором, заткнутым за пояс, в сопровождении взъерошенной, лохматой собачонки петряевец отважно углубляется в беспросветную чашу своих лесов. Почти всю осень и зиму он живет в лесу, перекочевывая из одной истопки в другую. Петряевцы всего более охотятся на рябчика, на белку и медведя, как ни в чем не бывало. И петряевцы в своей простоте душевной вовсе и не подозревают того, что они — герои.

Наши нравы — патриархальны. (Понимайте это слово в похвальном или ругательном смысле, как хотите.) <...>

До последнего времени петряевцы не знавали железных замков. Наш торговец, Мироныч, первый привез железный замок из города лет 15 тому назад. Все наши ходили смотреть на него, как на диковину, и много толков было в ту пору. Прежде у нас двери запирались деревянным замком очень хитрого устройства; для человека, незнающего сек-

рета, легче было сломать этот замок, чем отпереть его. Чаше всего двери замыкались просто веревкой или припирались колышком. Колышек, торчавший у двери, обозначал, что хозяев нет дома. Такие веревочные запоры и колышки были у нас в ходу еще недавно — на моей памяти, а деревянных замков и теперь еще много: пример Мироныча, видно, не всех соблазнил. Ни краж, ни ночных грабежей, ни увода коней у нас не слышать и до сего дня. Все друг друга знают, знают, у кого что есть, и залезать в чужую клеть никак невозможно. А пришлый народ шатается здесь редко... Кого понесет нелегкая в наши петряевские трущобы! <...>

Мы стараемся изворачиваться собственными средствами, без помощи города и, подлинно можно сказать, на обухе рожь молотим. Изловчились, значит... Я уж говорил, что у нас почти все домашние поделки из дерева. Кроме того, петряевцы сами лепят кирпичи и часто употребляют их необожженными. Они сами ткут из овечьей шерсти серое и белое сукно, и белое сукно выходит прекрасно; сами катают войлочные шляпы, сами делают обувь и шьют одежду. У нас есть и свои швецы, с осени они начинают ходить по деревням и всю зиму — вплоть до весны — ходят и обшивают Петряевщину. Такая передвижная мастерская обходит в зиму деревень пять—шесть и всех удовлетворит самым лучшим манером... Вместо мыла у нас идут в дело телячьи кишки, ошкурки. Конскими копытами мы обкуриваем скот в жаркую пору. Лечимся, как уже сказано, сами — разными травками да баней... Даже украше-

ния в избах доморощенные. Первым украшением и первой забавой является у нас в избе деревянный голубок, — впрочем, на голубка непохожий. Это просто птичка с крыльями, растопыренными веером, грубо сделанная из дерева и иногда раскрашенная разными красками. На тонком конском волосе подвешивается она к потолку посередине избы — иногда ближе к переднему углу. Малейшее движение воздуха приводит в сотрясение эту птичку; поэтому она весь день вздрагивает и кружится под потолком. Волос не виден, и оттого кажется, что птичка как будто сама собой держится на воздухе. Вот этот-то обман глаз и забавляет петряевцев...

Как видите, немного нам надо, да и то «немногое» мы ухитряемся сами сделать для себя из того самого материала, какой у нас есть под руками. Мало того: мы еще находим деньги для отсылки в казначейство да круглый год отдаем что-нибудь городу. Городу так не прожить, как живем мы. Нет! Ему нужны шелки да бархат, всякие сласти да заморские вина — мало ли чего ему надо! Не стану здесь выписывать цифр — вы их в ученых книгах найдете; но только верно, что Петряевщина отдает Устьегодску несравненно больше, чем получает от него в обмен. Также верно то, что без нас городу и дня не прожить — «соскучится», потому что город живет на готовом.

Теперь про нас говорят, что мы — неученый, темный народ, что мы — «обломы». Всячески хают нашу сторону. Говорят: «Медвежья ваша сторона! Сторона дремучая! Дичь, глушь... И сами-то вы жи-

вете не по-людски, как медведи в берлоге. Нет у вас ни порядочных дорог, ни мостов, ни школ, ни фабрик, ни заводов...» Пусть так. Мы — темный народ... Нет у нас ни гладких дорог, ни прочных мостов, ни фабрик, ни заводов, ни школ... Но если бы город не обижал нас, у нас завелись бы лишние денежки, завелись бы непременно. Тогда мы устроили бы отличные дороги, навели бы мосты через реки, стали бы доставать из земли железо и медь, которых, говорят, у нас немало и которые, говорят, гораздо больше пользы приносят миру, чем золото и серебро, стали бы школы заводить и, право, завели бы не хуже городских.

И просветлела бы тогда моя родная сторона, и зажила бы она, пробудилась от своего векового сна, от своих темных грез о леших и оборотнях. И просветились бы тогда головы петряевцев светом мысли и знания, как теперь весной — во дни оживления нашей северной природы — озаряются ярко веселым, золотистым светом мрачные, угрюмые дебри наших петряевских лесов...

1883

ПРИМЕЧАНИЯ

Белая Арапия — несуществующая страна, образ из народных рассказов. *Устьегодск* — вымышленное название, составленное из элементов двух других названий: *Усть-Сысольск* и *Сольвычегодск*. *Сосва* — река Сысола, на которой стоит Усть-Сысольск.